

АНГИАНСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

Мюррей Стайн

Принцип индивидуации

О развитии
человеческого
сознания

Юнгианская психология

Мюррей Стайн

**Принцип индивидуации. О
развитии человеческого сознания**

«Когито-Центр»

1983

Стайн М.

Принцип индивидуации. О развитии человеческого сознания /
М. Стайн — «Когито-Центр», 1983 — (Юнгианская психология)

Известный американский и швейцарский аналитик М. Стайн подводит итог изучению процесса индивидуации, начатому в предыдущих его книгах «В середине жизни» и «Трансформация: Проявление самости». Опираясь на образы сказок, мифов и случаи из своей богатой практики, он дает всестороннее истолкование принципа индивидуации. Цель книги – помочь понять смысл психологического и духовного развития на всех стадиях жизненного пути. Книга адресована психологам, социологам, культурологам, деятелям искусства, а также тем, кто интересуется закономерностями непосредственного общения людей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Стайн М., 1983

© Когито-Центр, 1983

Содержание

Благодарности	6
Предисловие к русскому переводу	7
Введение	8
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мюррей Стайн

Принцип индивидуации: О развитии человеческого сознания

Murray Stein

The Principle of Individuation

Toward the Development of Human Consciousness

Chiron Publications

Wilmette, Illinois

Перевод с английского *К.Т. Мелик-Ахназаровой*

Научная редакция *В.К. Калининко*

ISBN 1-888602-37-6 (англ.)

Благодарности

*Друзьям,
что помогли мне понять
сокровенный смысл индивидуации*

За помощь, выразившуюся в прочтении и комментариях к различным главам этой книги по мере их появления на свет в последние несколько лет, я глубоко благодарен Энн Кэйсмент, Лионелл Корбетт, Даниле Креспи, Дейлу Кушнеру, Элеоноре Лер, Дону Макнэйру, Жан Мариан, Роберту Муру Эндрю Сэмюэлсу и Робину Ван Лобин Селе. Поддержка моего партнера по «Хирону» Натана Шварц-Саланта была постоянной и ободряющей. Моя жена Жан терпеливо и многострадально смирялась с тем, что я проводил долгие часы перед компьютером. Мне хотелось бы также поблагодарить Эммануэль Кеннеди за приглашение принять участие в симпозиуме Цюрихского психологического клуба в 2005 году. Это дало мне возможность для презентации проекта, а доклад, прочитанный там, составляет основу вступления. Большая часть глав уже появлялась в других изданиях, но для этой книги я их существенно переработал.

Предисловие к русскому переводу

Тема глубокого психологического изменения, особенно во взрослом возрасте, продолжает привлекать меня и сейчас, после почти сорока лет практики в качестве юнгианского аналитика. Все больше я убеждаюсь в том, что те люди, которым ведомо что-то о смысле и динамике этого процесса, чувствуют себя во времена кризиса лучше тех, кого последний застал врасплох. Цель этой книги – помочь понять смысл психологического и духовного развития на всех стадиях жизненного пути.

С юнгианской точки зрения психологическое развитие – это процесс длиною в жизнь. Много изысканий было посвящено раннему развитию, где в фокусе внимания оказывалась диада *мать-ребенок*. Важность ранних привязанностей подчеркивалась в многочисленных трудах, где исследовались негативные и психопатологические последствия неполных или неадекватных связей, определяющих суть развития (как это бывает в случаях пограничных личностных расстройств и других расстройств характера). Подростковый возраст тоже не был обойден вниманием, Формирование личной идентичности во время этой фазы жизни, похоже, определяет основной смысл перемен, испытываемых и переживаемых в это время. Что касается середины жизни, то здесь фокус развития приходится на фундаментальный сдвиг установок – от идентичности эго к идентичности Самости. Если эта трансформация не проходит гладко, то результатом становится горькая, исполненная раздражения вторая половина жизни. Положительный результат в середине жизни сулит увеличение продуктивных способностей, мудрость и прозрение в трансцендентные аспекты сознания в старости.

На каждой стадии развития целью трансформации является дальнейшее развертывание потенциала индивидуальности. Индивидуальность следует понимать иначе, чем индивидуализм: последний чаще всего предполагает нарциссическое чувство важности самого себя и отход от ценностей сообщества и от кооперации. Индивидуация (термин, указывающий на развитие в течение всей жизни) движется вперед по кривой, спиралеобразно, начиная с зародышевого состояния, в котором личность по большей части потенциальна, к более полному выражению личности внутри семейного и культурного контекста жизни. На своих поздних стадиях она обретает более глубокие измерения, превосходящие семейные и культурные уровни и обнажающие универсальное в частном. Если целью первой половины жизни является развитие здорового эго, адекватно адаптированного к культуре и окружающей среде, то задача второй половины жизни – достичь чувства символического центра сознания за пределами границ эго. Трансформация середины жизни – ключевая точка перехода от одного к другому.

С большой радостью встречаю я выход этой книги на русском языке. Огромное удовольствие – представлять, что она найдет себе место в столь богатой и изысканной культуре.

*Мюррей Стайн, Цюрих,
апрель 2009 года*

Введение

Человек не творит свою личность, не может по собственной воле выбирать какой-то характер или своеобразие индивидуальности – во всяком случае делает это не в большей степени, чем создает свой физический облик, подбирая себе комплекцию, размер ноги и руки или черты лица. Так же и человеческие сообщества не формируют своих культурных предпочтений сознательным и рациональным образом. Большая часть того, что характерно для индивидуумов или сообществ, появляется на свет благодаря взаимодействию исторических факторов и определяющих обстоятельств – времени и места происхождения, генетического и культурного наследия. Вдобавок есть многочисленные синхронизмы, сопутствующие отдельным людям и группам на протяжении их кратких или невероятно долгих жизней. Джеймс Болдуин хорошо сказал об этом: «...человек не может, к несчастью, выдумать место причала, своих возлюбленных и друзей – или может сделать это не в большей степени, чем придумать своих родителей. Жизнь дает ему их, но и забирает, и очень трудно сказать жизни «Да». К этому можно добавить: человек не может выдумать своей идентичности или личного стиля. Кто мы такие как индивидуумы – это, в конечном итоге, оказывается результатом сложного переплетения данных, сгруппированных в психологический «объект», называемый Я, обладающий специфической сознательной идентичностью и переплетением комбинаций бессознательных содержаний. Человеческий опус – работа, которую мы как индивидуумы и в определенной степени как сообщества *можем* сделать и в которую мы *можем* привнести различия – осознать, что нам дано либо через биологию, личную или коллективную историю, или бесконечно творческое бессознательное и развить это настолько хорошо, насколько мы способны. Делая это, мы приносим в существование измерение, которого раньше не существовало, – измерение сознания. Я подхватываю реплику К.Г. Юнга, который видел в этом человеческий вклад в универсум.

Центральное понятие, подлежащее исследованию в этой книге, – это принцип индивидуации и его отношение к труду становления сознательным и к развитию сознания. *Principium individuationis*¹ имеет долгую и сложную историю в философии (начиная со Средних веков и до Лейбница, Локка и Шопенгауэра); именно это выражение заимствовал К.Г. Юнг² и использовал его в своей психологической теории, придавая ему большое значение. В качестве психологической концепции это инструмент с двумя основными функциями: во-первых, он предлагает путь к пониманию и интерпретации изменений в индивидуальной и коллективной психике; во-вторых, предоставляет метод расширения и развития человеческого сознания в его максимально полном потенциале.

В качестве динамической силы индивидуация относится к врожденной тенденции – зовите ее влечением, импульсом или, как я называю в некоторых местах, императивом – заставляющим живое существо воплощаться во всей полноте, становиться подлинно собой внутри эмпирического мира пространства и времени, а если речь идет о людях, то полностью осознавать, кто они такие и что собой представляют. Природа человеческой самости и ее развитие в направлении большего сознания – крайне сложные предметы, составляющие две из числа основных тем глубинной психологии. Юнгианская психология содержит в себе обширную структуру смыкающихся теоретических идей и гипотез, дающих определение психологической реальности. В моей более ранней работе «Юнгианская карта души» я дал оценку

¹ Принцип индивидуации (лат.).

² В «Воспоминаниях, снах, размышлениях» Юнг пишет о понимании, пришедшем к нему во время путешествия в Африку: «В этот момент космологический смысл сознания открылся мне во всей полноте. «Quod natura relinquit imperfectum, ars perficit» (Что природа оставляет несовершенным, довершает искусство (лат.), – говорили алхимики. Невидимым актом творения человек придает миру завершенность, делая существование его объективным» (New York: Vintage Books, 1989, p. 255–256). – Рус. пер.: Юнг К.Г. Воспоминания, сны, размышления. Киев: Air Land, 1994. С. 253 (далее – BCP).

многим из этих базовых структур. В данной книге я перемещаюсь от карты к собственно путешествию, разбирая тему развития сознания; эта идея архетипична сама по себе и занимает центральное положение не только в психологии наших дней, но также и в духовных дисциплинах, историографии, биологии и многих других научных областях.

В юнгианской психологии процесс индивидуации – это не только базовое описание того, как личность формируется и насыщается содержанием во взрослом возрасте, как происходит в большей или меньшей степени аккумуляция биогенетических и психогенетических формаций и культурного влияния. Оставаясь на этом, индивидуация гораздо больше соотносилась бы с философией индивидуализма. Однако индивидуация толкает сознание и самореализацию за рамки того, на чем останавливаются нормальные процессы развития под управлением генов, психики и общества. В действительности индивидуация во многом противоположна индивидуализму, хотя на ранних фазах она может включать в себя и напоминать некоторые аспекты последнего. Еще более важно то, что это психологическое воспитание, требующее для продвижения вперед полного участия сознательной личности. По сути, индивидуация направлена на то, чтобы сдвинуть эго-сознание за рамки установившихся личностных черт, привычек и культурных установок (то есть характера и «личности») к гораздо более широкому горизонту самопонимания и целостности – безличному и соприкасающемуся с тем, на что часто ссылаются как на мировую душу – *anima mundi*. Индивидуация порождает расширение сознания за пределы личного – к архетипическому или не-личному. Юнг называл это *opus contra naturam*.³

Как и фрейдистский психоанализ, юнгианская психология стремится преодолеть вытеснение и вывести теневой аспект индивидуальной личности в сознание, а также разрушить привычное представление об эго как о стабильном и привилегированном центре душевного универсума. Однако, выходя за пределы психоанализа, она стремится создать постоянную связь с тем, что Юнг называл духом коллективного бессознательного. Это более глубокий уровень души, чем тот, что проявляется во взгляде эго-психологии. Подобный радикальный сдвиг требует активного психологического труда. Его конечная цель – это осознание и интеграция соматических, психологических и духовных уровней существа на индивидуальном и коллективном уровнях. Для того чтобы участвовать в этом большом человеческом начинании, индивидуум должен интегрировать некоторые фигуры и динамики коллективного бессознательного в гибкую сознательную идентичность, которая не подавляла бы для поддержания себя внутренне присущие коллективному бессознательному психические полярности, но скорее включала бы фигуры и энергии, постоянно поднимающиеся из глубин психики. Индивидуация – это динамический процесс длиною в жизнь.

В этой небольшой книге я пытаюсь в некоторой степени определить скрытый смысл этого процесса и говорить об индивидуации как о принципе. То есть я вижу в этом путь распознавания паттернов развития в постоянно меняющемся потоке сознания. В то же время работа предлагает метод углубления и обогащения внутренней тяги психики к воплощению. Конечно же, как и все так называемые инстинктивные требования, налагаемые на эго, это стремление может преломляться, отрицаться, подавляться или другими способами низводиться до статуса мелкого раздражителя, который, впрочем, время от времени становится столь необоримым, что человеку приходится приносить ему добровольную или не столь уж добровольную жертву. Однако отрицание императива индивидуации взыскивает свою цену, и иногда это само по себе становится самым важным фактором в жизни человека.

Кроме того, я буду рассматривать, как принцип индивидуации применяется по отношению к религиозной традиции и к политическим отношениям между культурами. Другими словами, я задаюсь вопросом, являются ли коллективы и организации также субъектами принципа индивидуации, когда они продвигаются вперед и начинают контактировать с Другим. Это

³ Деяние против природы (лат.).

довольно высокий уровень, и я полностью понимаю его масштаб. На мой взгляд, идея Юнга о долгосрочной эволюции человеческой психики, то есть понятие индивидуации, может быть полезно для размышлений о развитии сознания на многих уровнях – на личном психологическом, на социальном и общекультурном, на религиозном и на политическом, что включает в себя измерение международных отношений, экономики и глобализации.

Однако в фокусе моего внимания, прежде всего, остается индивидуальная личность. В первой главе я выношу на рассмотрение принцип индивидуации и ее методы, описывая ее основные черты и две большие части или фазы – аналитическую и синтетическую. Во второй главе я размышляю о роли нуминозного переживания в процессе индивидуации и различаю психологическую индивидуацию и духовное развитие, а также религиозный путь соединения с Богом и индивидуацию. В третьей главе я рассматриваю малоизвестную сказку братьев Гримм «Белая змея», иллюстрируя важность инициации для индивидуации и разъясняя на этом примере некоторые специфические черты индивидуационного путешествия. Четвертая глава сосредоточена на женской психологии, и в ней на примере сказки братьев Гримм «Лесная старуха» обсуждается значение осознания состояний одержимости как части процесса индивидуации. В пятой главе я обращаюсь к греческому мифу и рассматриваю хромого бога Гефеста как фигуру, представляющую борьбу с личными и культурными комплексами, которые должны быть задействованы для высвобождения творческого потенциала и достижения цели индивидуации. В шестой главе я описываю особого рода психическое пространство, позволяющее индивидуальной личности перевести работу на более глубокий уровень. Для разговора об этом я взываю к духу греческого бога Гермеса, мифологема которого указывает этот путь. И затем я размышляю о том, как индивидуумы могут помочь традициям сдвинуться к дальнейшему развитию и как раскрыть свои потенциальные возможности для коллективного сознания. Наконец, я делюсь некоторыми наблюдениями над увлекательной динамикой, проявляющейся среди столь разных культур Северной и Южной Америки по мере того, как мир сжимается, а культурные шаблоны сталкиваются, вбрасывая в общий хаос и путаницу новые структуры.

И при всем при том я хочу подчеркнуть, что юнгианская психология – это впередсмотрящая психология. Хотя в аналитических целях нужно пристально, в деталях исследовать прошлое, теория как таковая основательно настроена на конфликты настоящего и потенциально возможного во имя будущего. Индивидуация – это императив, который толкает нас вперед и, если она проходит успешно, высвобождает нас из ловушки постоянно повторяющихся паттернов, которые обуславливают наше состояние. Фундаментальное убеждение состоит в том, что люди эволюционируют в своем сознании индивидуально и коллективно и что мы можем участвовать в этом процессе и придавать ему энергию абсолютно особым образом, если мы только будем знать, как это делать. Поскольку на данный момент я не могу дать готовых рецептов, я надеюсь поделиться некими подсказками, которые могут оказаться полезными.

Глава 1

Двойное движение индивидуации

Философ Мартин Бубер в интервью, взятом у него американским психологом Карлом Роджерсом, отметил распространенное непонимание концепции Карла Юнга об индивидуации. В обмене мнениями перед студентами Мичиганского университета Бубер провоцировал Роджерса, резко нападая на него за употребление термина «личность», а потом продолжил в том же духе, высказывая свое несогласие с Юнгом:

«Вы говорите о личности, а понятие «личности» очень близко понятию «индивидуальности». Полагаю, что необходимо все же различать их. Индивидуальность представляет собой определенную уникальность человеческого существа... Это то, что Юнг называл «индивидуацией». Оно может все более и более становиться индивидуальностью, не становясь при этом более *человечным*. Мне известно множество людей, ставших очень-очень индивидуальными, в высшей степени отличными от других, очень развитыми в их *самобытности*, вовсе при этом не являясь тем, что бы мне хотелось назвать человеком... Личность – это, я сказал бы, индивид, действительно живущий с миром, я не имею в виду *в мире*, именно в реальном контакте, в действительной *взаимности* с миром во всех точках, где мир может встречать человека... Я *против* индивида и *за* личность».⁴

Бубер неверно истолковал концепцию Юнга об индивидуации как простое утверждение и углубление заданной структуры характера во времени.

Проект индивидуации, представленный Юнгом во множестве работ, будучи далек от того рода душевного укрепления, о котором говорит здесь Бубер, оказывается намного более сложным и, по сути, имеет дело с тем, чтобы пролить свет во тьму психологической жизни и интегрировать различные полярности и напряжения, обнаруженные там. Это проект подъема и развития сознания, если сформулировать его простейшим из возможных способов. Что влечет за собой формирование сознательных отношений к различным аспектам личности не путем дальнейшей идентификации с наиболее выдающимися чертами, как понял бы Бубер, но, скорее, путем максимального удерживания их всех в сознании как раз без такой идентификации. Если этот проект и направлен в какую-то сторону, то как раз в противоположную тому, что понимает Бубер под индивидуацией в вышеизложенном пассаже. Сильный акцент Бубера на контакте в мире, широко известный как отношения Я – Ты,⁵ вовсе не исключен в индивидуации, как я покажу. В действительности процесс индивидуации делает такие отношения возможными в более полной степени, чем это происходило бы без нее. Как я продемонстрирую на примерах, отношения Я – Ты включены в индивидуацию, хотя и не в том исключительно экстравертном виде, который описывает Бубер в своих работах.

Проект индивидуации, мыслящийся как опус длиною в жизнь, как я докажу, основывается на врожденном психологическом императиве, который волей-неволей стремится к расширению сознания. Здоровье и рост не в большей степени факультативны для психологической сферы, чем для физической. У психики есть свои требования, так же как у сомы – свои. Разу-

⁴ Anderson R. and Cissna K., eds. The Martin Buber-Carl Rogers Dialogue. Albany, NY: State University of New York Press, 1997. P. 103–104. Рус. пер.: Бубер Мартин – Роджерс Карл: диалог // Московский психиатрический журнал, 1994. № 4.

⁵ См. работу Бубера: I and Thou (1923) London and New York: Continuum, 2004 trans. Ronald Gregor Smith. – Рус. пер.: Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 16–91.

меется, человек может сделать выбор и в пользу болезни, физической или психологической, и многие это делают по причинам, выходящим за рамки их разумения.

Как подчеркивал Юнг и как я буду объяснять в этой главе, процесс индивидуации взрослых людей⁶ происходит в двух основных направлениях. Первое имеет отношение к дифференциации бессознательного в анализе. Алхимики называли бы этот шаг *separatio*.⁷ Подобная аналитическая сепарация включает расчленение выкованной человеком идентичности, отделение ее как от фигур и содержаний, имеющих изначальную основу во внепсихической реальности (то есть в других людях и объектах), так и тех, что укоренены в первую очередь в самой психике (так называемые внутренние фигуры, о которых речь пойдет позже). Этот шаг дезидентификации приводит к созданию более прозрачного сознания, чистого зеркала. Второе направление, вступающее в игру одновременно, требует постоянного и пристального внимания к проявлению архетипических образов коллективного бессознательного, возникающих в снах, активном воображении и синхронистических событиях. Этот шаг включает привнесение этого нового материала в модели сознательного функционирования и в ежедневную жизнь. Это синтетическое движение (в алхимической терминологии – *coniunctio*⁸), можно представить как осторожное прислушивание к духу бессознательного и сознательное интегрирование его содержаний. Оба направления одинаково важны, и индивидуация не может достичь своего полного потенциала без одного из них.

Стало быть, с одной стороны, индивидуация требует борьбы с собственным характером и некоторого дистанцирования от него. С другой стороны, она помогает вновь проявляющимся чертам психики прийти в сознание и вызывает к интеграции этих черт в новое целое. Другими словами, это означает возможность объять все аспекты Самости с определенным принятием и уважением. Юнгианская психология предлагает метод удержания парадоксов психики в сознании и способы взаимодействия с их сложностью.

Аналитическое движение (separatio)

Я начну с аналитического аспекта индивидуации. В ответе на вопрос о переживании Атмана (Самости) Юнг заметил:

«Анализ <...> это, прежде всего, редукция. Это анализ вашей установки. Вы должны осознать большое количество сопротивлений и других личных моментов, вытесняющих вашу изначальную психическую деятельность или ваши психологические процессы. Все эти запреты оказываются множеством загрязнений, и сначала ваш ум должен быть очищен, прежде чем сможет начаться психологический процесс трансформации».⁹

Первый шаг индивидуации имеет отношение к очищению психики от ее бессознательных идентификаций. Это редукция.

В качестве введения позвольте мне предложить краткий исторический экскурс в концепцию Юнга об индивидуации. Основа ее философская в той же мере, как и психологическая.

⁶ В этой работе я обращаюсь к индивидуации только взрослых людей, не детей, хотя и делаю иногда замечания о некоторых вопросах детского развития. Чтобы ознакомиться с юнгианским взглядом на процессы индивидуации в младенчестве и детстве, основанным на работах Майкла Фордхэма и его последователей, см. прекрасный доклад Элизабет Урбан: Фордхэм, Юнг и Самость: пересмотр вклада Фордхэма в юнговскую концепцию Самости // *Journal of Analytical Psychology* 50 (5): 571–594.

⁷ Разделение (лат.).

⁸ Соединение (лат.).

⁹ Jung C.G. *The Psychology of Kundalini Yoga: Notes of the Seminar Given in 1932 by C.G.Jung*. Princeton, NJ: Princeton, University Press, 1996, P. 91.

Одно из первых появлений термина «индивидуация» в работах Юнга восходит к чрезвычайно необычному тексту 1916 года под латинским названием «*Septem Sermones ad Mortuos*» («Семь проповедей мертвецам»).¹⁰ Эта работа, как принято считать, содержит в себе самую раннюю версию психологической теории Юнга об индивидуации, хотя и изложенную в мистической и философской форме. Содержание этого текста, как объясняет Юнг в «Воспоминаниях, снах, размышлениях» (ВСП), пришло к нему в состоянии транса и было «продиктовано» ему неким Василидом из Александрии. Книга появилась на свет в течение нескольких дней во время его интенсивнейшей внутренней работы (годы «конфронтации с бессознательным», как он называет этот период в «ВСП»), результаты которой отражены в знаменитой «Красной Книге».¹¹

В «*Septem Sermones*» Василид утверждает, что *principium individuationis* является сутью сотворенных вещей (*creaturd*) и отделяет *creatura*¹² от *pleroma*¹³. Для индивидуального человеческого существа (то есть *creaturd*) процесс обособления и отграничения от целого оказывается вопросом жизни и смерти:

«Вы станете вопрошать: А что плохого станется, если не отличать себя?

Не отличая, угодим мы за пределы своей сущности, за пределы Творения, и низвергнемся в неотличимость, а она есть иное свойство Плеромы. Мы низвергнемся в саму Плерому и перестанем быть Творением, себя обрекая растворению в Ничто.

А это смерть Творению. Мы, стало быть, умрем в той мере, в каковой не станем отличать. Оттого-то естественное устремление Творения направлено к отличимости противу изначальной опасной тождественности. Имя тому устремлению – *PRINCIPIUM INDIVIDUATIONIS*. Тот принцип есть сущность Творения. Из чего можно усмотреть, почему неотличимость и неотличение являют собой великую опасность для Творения».¹⁴

Вкратце принцип индивидуации определяет некую суть человеческого существа. Это абсолютный, базовый импульс человеческого субъекта – отличать себя от окружения. Это и есть индивидуация, по крайней мере, частично, и энергия на ее осуществление – данность человеческого сознания. По мере становления личностью человек с необходимостью должен создавать различия и отделения. Стремление к специфичности, к становлению тем, кто ты есть по природе, укоренено в самом естестве человеческого сознания. Следовательно, стремиться к индивидуации – значит находиться в согласии с человеческой природой. Движение по направлению к индивидуации не есть лишь одна из возможностей, не обусловлено и не определяется культурными различиями. Это данность, хотя, разумеется, многие люди игнорируют ее, подавляют ее и коверкают себя, запутываясь в попытках отрицать ее присутствие из страха показаться неконформистами или того, что в них будут видеть «иных».

Pleroma, в отличие от индивида (*creaturd*), есть Всей Ничто. Она содержит все возможные психологические «качества», но без всякого различия или отделения их от всего другого. Это первичная психическая *материя*, Великая Мать, матрица, из которой появляется все, что когда-либо может обрести сознание. Фундаментальный принцип *pleroma* – вовлечение без различия. Вне этого, над этим и против этого – возникающее сознание отдельного индивидуума, чья сущностная природа есть различенность и чей основной импульс – достичь индивидуального сознания, то есть чувства уникальности, требующего отделения и постоянного проведе-

¹⁰ Этот текст включен в качестве приложения и в английский, и в русские переводы «Воспоминаний, снов, размышлений».

¹¹ Эта работа готовится к публикации [в 2009 г.].

¹² Творение, создание (лат.).

¹³ Полнота, переизбыток (лат.).

¹⁴ Юнг К.Г. ВСП. С. 357.

ния различий между Я и не-Я: не это, не то, но нечто другое, нечто обособленное и уникальное. В процессе достижения этого человек обнаруживает (или, возможно, создает) парадокс сложности, то есть психологические противоположности. Контрастирующие пары качеств создаются как проведенные различия: вверх и вниз, назад и вперед, красота и уродство, мужское и женское, добро и зло, время и пространство и т. д. Обретая видимость и ясность, они ведут за собой отождествление и предпочтение. Индивидуальная личность тянется к идентификации с одной стороной пары и старается держаться подальше от другой. Таким путем достигается первая стадия определенности, и Я и Другой начинают существовать как пары противоположностей. Создается тень. Здесь рождается также и иллюзия различенности, ибо, хотя это и шаг в направлении индивидуации, это еще не подлинная сущность, потому что качества, с которыми человек идентифицируется, коллективны. Это еще не индивидуальность. Она еще должна появиться.

Этот ранний этап процесса индивидуации базируется на формировании состояния психологической идентичности с некоторыми качествами, выделившимися из состояния плеромы. Некоторым образом выделенная, но все еще коллективная «личность» и «характер» начинают существовать. Можно задуматься в этой связи о том, что Эрик Эриксон описывает как формирование идентичности в подростковом возрасте. Психологическая персона начертана и воспринимается как способ адаптации к специфическим требованиям данного культурного окружения. Позже однако, обычно к середине жизни, индивидуация требует, чтобы человек отделился от коллективных качеств, с которыми идентифицировался, поскольку:

«Свойства причастны плероме, для нас же возможно и должно жить в обладании ими лишь во имя отличимости и под ее знаком. Нам должно отличать себя от тех свойств. В плероме они упраздняют себя, в нас же нет. Отличаемость от них спасает».¹⁵

Продолжается работа по сепарации, но сейчас она идет на гораздо более глубоком уровне. Сознание теперь занято различием между индивидуальным и теми самыми качествами, которые принимались за собственное Я, которые стали самыми основными привязанностями человека, его ценностями и убеждениями. Категорическое требование индивидуации – вернуться к собственной природе, к подлинной собственной сути. («Посему не должно вам устремляться к различению, как вы о том помышляете, но к ВАШЕЙ СУЩНОСТИ»¹⁶). И это стремление навстречу собственному индивидуальному существу – самая главная работа, продолжающаяся до конца жизни.

В 1916 году Юнг вновь берется за тему: что же значит стать индивидуумом – на этот раз он делает это не в мифопоэтической манере, а более прозаичным способом: в лекции, прочитанной в Ассоциации аналитической психологии. На немецком эта работа была озаглавлена «Uber das Unbewusste und seine Inhalte», тогда как в английском переводе она называется «Структура бессознательного».¹⁷ Здесь впервые он развивает понятие персоны и то, как она построена – как компромисс между индивидуальным и коллективным. Персона строится, говорит он, из фрагментов коллективного, с которыми идентифицируется эго и чьи функции заключаются в облегчении адаптации к социуму. Фактически персону – это «сегмент коллективной психики»,¹⁸ но она симулирует индивидуальность. Следовательно, ее существование может оказаться тонким врагом индивидуации, если она не стала сознательной «маской»: «Люди обладают одной способностью, которая, хотя и являет собой величайшую пользу для коллективных

¹⁵ Там же. С. 358.

¹⁶ Там же. С. 358.

¹⁷ Jung C.G. The Structure of the Unconscious (1916) // CW. Vol. 7. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1967. Pars. 442–521.

¹⁸ Там же. Pars. 464–470.

целей, весьма пагубна для индивидуации; это способность к имитации».¹⁹ Она же – основание для вербовки солдат и молодых террористов. Их побуждают притворяться героями и обещают в награду геройские почести при погребении в случае гибели в бою.

Именно эта склонность к имитации в ущерб индивидуации привела Юнга к столь негативному отношению к институтам и учебным программам, учреждаемым под его именем и обучающим аналитической психологии. «Слава богу, я Юнг, а не юнгианец» – такова одна из его самых знаменитых реплик, указывающая на желчное отношение к людям, формирующим персону лишь путем отождествления с его идеями и методами и пренебрегающим внутренней работой, которой требует императив индивидуации. Подобное поведение в результате не дает ничего, кроме множества пустых масок, считал он, посредством которых его изначальные идеи могут превратиться в стереотипы и предписания. Когда Джозеф Уилрайт рассказал Юнгу об открытии учебной программы в Сан-Франциско, то Юнг, по словам Уилрайта, уставился на него, словно бы «на него наехал грузовик». И на слова Уилрайта: «Я вижу, вы и вправду не хотите ничего слышать об этом» – ответил: «По правде говоря, в голову не приходит ничего, о чем я хотел бы слышать меньше».²⁰ У Юнга совершенно явно была аллергия на подражателей. Слава богу, что это не превратилось в правило, и люди все же изучают методы Юнга и проходят учебный анализ.

С другой стороны, нужно признать, что формирование бессознательных привязанностей и создание уз, основанных на отождествлении со значимыми людьми из непосредственного окружения, – совершенно нормальные аспекты психологического развития. Младенцы привязываются к своим матерям и вступают в состояние идентичности с теми, кто о них непосредственно заботится. У этого процесса есть архетипическая основа, и он составляет ведущую форму общения между матерью и младенцем по бессознательным каналам, стимулирующим эмпатию и взаимность (см. великолепное обсуждение связей между теорией привязанности и архетипической теорией в работе Жана Нокса). Младенец может указывать матери на свои потребности и чувства невербальным способом, который мать понимает в силу глубокой привязанности к нему. Это начинается в утробе посредством настройки сензитивной матери на эмбрион. Позже ребенок сформирует сходные отношения и с другими членами семьи и, в конце концов, с соседями, родом, школой, городом и нацией. Со всеми этими элементами развивающаяся личность вступает в то, что Юнг вслед за французским социологом Люсьеном Леви-Брюлем называл *participation mystique*.²¹ Через обретение такого типа человеческой идентичности установка коллективной психики обретает голос. По мере того как человек становится честным гражданином, любящим сыном или дочерью или преданным членом церкви, школы и государства, надежным работником, мужем или женой, отцом или матерью, этичным профессионалом, окружающие люди уверяются в том, что он достоин доверия и, стало быть, высоко оценивают его (или ее). Такие люди явно выступают от лица семьи, сообщества, нации или даже от лица всего человечества, но не от своего. Если лица, обретшие столь добросовестную и стойкую персону, остаются бессознательными в отношении своей подлинной индивидуальности, то эта индивидуальность остается нераскрытой, и они превращаются в простой рупор коллективной установки, с которой они отождествились. И хотя это до известной степени служит интересам человека, потому что, в конце концов, каждому нужно адаптироваться к обществу и культуре и потому что хорошо сформированная персона оказывается явным преимуществом в практических целях выживания и социального успеха, – совершенно ясно, что это не является целью индивидуации. Это лишь подготовительная стадия процесса индивидуации.

¹⁹ Там же. Par. 463.

²⁰ Shamdasani S. Introduction to C.G.Jung, The Psychology of Kundalini Yoga. P. 345.

²¹ Мистическая сопричастность (франц.).

Вполне понятно, что у людей есть искушение здесь остановиться, поскольку создание мягкой и хорошо функционирующей персоны не такая уж легкая вещь. Если принять во внимание всю психологическую работу, которая должна быть проделана и завершена для того, чтобы добиться социальной идентичности, а также найти способ приспособления к жизни в определенном времени, то, как только все это достигнуто, естественным кажется вопрос: почему бы не расслабиться и не насладиться плодами своих трудов? Однако Юнг завершил свой доклад 1916 года утверждением о том, что индивидуация – «это принцип, который делает возможной, а *при необходимости и вынуждает* появиться прогрессирующую дифференциацию от коллективной психики». ²² Индивидуация – это природная сила, на взгляд Юнга, столь же сильная и настойчивая, как сексуальный инстинкт и воля к власти, так что просто не существует возможности решать, не стоит ли сделать привал в психологическом развитии и почтить на лаврах, как только достигнута адаптация. Не будучи избранным сознательно, импульс к индивидуации будет принуждать к странным поворотам и изгибам жизненного пути, поскольку он настаивает на индивидуальности в самых неожиданных местах и в самое неподходящее время. Юнг видел в конфликтах такого рода распространенный источник неврозов и несчастия во второй половине жизни.

В то же время, когда Юнг сочинял два цитируемых мной текста, он работал также над «Психологическими типами», ²³ продумывать которые он начал в период своего разрыва с Фрейдом около 1913 года, но завершить и опубликовать которые не мог до 1921. «Психологические типы» – объемный том, в котором рассматривается теория типичных различий между людьми в отношении подходов к переживанию и толкованию феноменального мира; эта работа представляет собой совокупность психологических инсайтов и представлений Юнга на тот момент. В заключительной главе он определяет «индивидуацию» как «процесс дифференциации, целью которого является развитие индивидуальной личности». ²⁴

²² Jung C. G. The Structure of the Unconscious, par. 514 (курсив М. Стайна).

²³ Jung C. G. CW. Vol. 6.

²⁴ Там же. Par. 757.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.